

Физкультура и спорт

„Металлург“
в финале

Продолжаются соревнования хоккеистов области в зачет спартакиады областного совета ДСО «Труд». В этих соревнованиях принимает участие хоккейная команда нашего комбината.

13 января наши спортсмены встретились на ледяном поле г. Усть-Катава с местной командой. В упорной спортивной борьбе со счетом 6 : 5 победу одержали хоккеисты нашего комбината.

На днях «Металлург» провел встречу с командой из г. Сатки и вновь добился победы. Счет 7 : 3.

Таким образом, хоккеисты Магнитогорска вошли в финал соревнований, который будет проводиться в г. Еманжелинске. Предстоит еще 3 встречи с сильнейшими командами области. На днях команда «Металлург» выехала в Еманжелинск.

Шахматный
турнир

Немало любителей шахмат есть в котельно-ремонтном цехе и на его ремонтном участке. Недавно они встретились в турнире на первенство цеха.

Игра проходила организованно, выиграли шахматисты ремонтного участка со счетом 6 : 1. В числе лучших игроков мастер Т. Туркин, бригадир электросварщиков Т. Спиридонов, электросварщик Т. Свечников, инструментальщик Т. Бундин.

Перед лицом
товарищей

Во всех бригадах проволочно-штрипсового цеха прошли профсоюзные собрания с повесткой: «Трудовая дисциплина». Докладом на них выступил председатель цехового комитета профсоюза Т. Старых. Он рассказал, как с каждым годом возрастает сознание у наших рабочих. Об этом можно судить из таких цифр. Если в 1958 году был 31 случай прогулов, то уже в 1959 году только тринадцать.

На собраниях крепко досталось тем, кто, забыв о том, что он единица большого коллектива, где каждый ответствен за его поступки, прогуливает, опаздывает на работу. На стане «300» № 2 рабочие жестко взяли в оборот Т. Лукоянова. Он вышел пьяным на смену, его пришлось отправить домой.

— Мы привыкли к тебе, работать умеешь, — предупредили его, — но раз ты забываешь об общих интересах, нам придется говорить по-иному. Явившись еще раз в таком виде — скажем «до свидания».

Такой же разговор был и с работником стана «250» № 1 т. Железниковым. Его Железниковым запомнит надолго и вряд ли придет еще раз на смену с запахом сорокоградусной.

На стане «250» № 2 тт. Ландыхов, Сильченко, Кривошеев опоздали на несколько минут. Им пришлось услышать внушительное предупреждение в присутствии всего коллектива бригады от мастера Т. Гнедых.

Религия — опиум народа

Мракобесы без маски

Письмо бывшего проповедника майкопской секты субботников Анатолия Александровича Комма

(Продолжение. Нач. в №№ 6 и 7).

Сколько внимания мне уделяли в полку! Особенно глубоко проникли в мою душу слова капитана Руденко Ивана Федоровича. Когда он беседовал со мною, я, как обычно, старался не слушать его, но слова сами доходили до сердца, так как я видел, чувствовал, что его волнует моя судьба. Его беседы заставляли меня задумываться и очень часто заводили в тупик.

Капитан приносил книги, отвечал на все мои вопросы, доказывал, что бог выдуман богатеями для запугивания простого, трудолюбивого человека.

Все больше и больше начинал я верить капитану, но, помня наставления моих духовных наставников, я делал вид, будто его труды напрасны. Помню, как однажды во время беседы он спросил:

— Анатолий, скажи мне откровенно, какой результат наших бесед? Доходит до тебя что-нибудь?

Во мне происходила борьба, очень хотелось сказать Ивану Федоровичу, что он добрый и хороший человек, что я против своего желания начинаю его понимать, даже немножко верю тому, что он говорит. Но... я покачал головой, что означало: нет, не доходит. Капитан искренне огорчился, это я заметил.

— Э-эх, Анатолий, Анатолий, — тихо проговорил он. — И как это смогли тебя так сильно оморочить? Ведь ты такой молодой. Если бы ты знал, как мне хочется, чтобы ты понял свое страшное заблуждение и стал полезным человеком.

Я с нетерпением ждал новых бесед с капитаном Руденко. При следующей встрече я решил сказать ему правду, признаться в своих сомнениях. Но я его больше не увидел — капитана внезапно перевели в другую часть. «Видно, сам бог вмешался и помог мне», — решил тогда я.

Приблизился день присяги. Мне прощали все нарушения дисциплины, но отказа от присяги простить не могли — это уже не проступок, а преступление. За несколько дней до присяги меня вызвал к себе генерал, командир дивизии. Он долго беседовал со мной, пытался доказать, что я неправ. Поняв, что я не поддаюсь уговорам, генерал взял меня за руку и с сожалением сказал:

— Эх, парень, парень, до чего тебя довели. Ведь все, что тебе сектанты говорили, — полный обман. Тебя судить придется, понимаешь? Жаль мне тебя очень. Подумай еще, прислушайся к нам.

Но фанатизм победил. За отказ от несения воинской обязанности, за нарушение Конституции СССР я был осужден к 4 годам заключения.

РАДИ ЧЕГО?

Перед судом я был полон решимости принять любые муки ради спасения своей души. Оказавшись в тюремной камере, я даже обрадовался — наконец-то меня перестанут уговаривать, перестанут смущать мой дух. Но случилось не так. Если в казарме солдаты смотрели на меня как на больного, сочувственно беседовали со мной, не смеялись, когда я молился (а молился я семь раз в сутки), то в камере все было наоборот. Когда я начинал молиться, уголовники прорывались со мной всевозможные фокусы, издевались надо мной, доводили до слез.

Я отказался от приварка и решил питаться только хлебом и чаем. В сутки съедал 800 граммов хлеба, 25 граммов сахара и пил чай. Но мой паек часто не попадал мне, его отбирали уголовники.

Я стал роптать, пожаловался начальнику тюрьмы, попросил, чтобы меня изолировали от этих людей. Но начальник ответил, что в тюрь-

му хорошие люди не попадают. Здесь сидят те, кто не желает считаться с законами нашего государства, и я не лучше других.

— Неужели вы думаете, — спросил он, — что человек, отказывающийся защищать свое отечество, лучше вора?

Я не нашел, что ответить. — В нашей стране, — добавил начальник тюрьмы, — живут и безбожники и верующие. Это дело совести. Но всем должна быть одинаково дорога Родина. А если ты отказываешься ее защищать, значит, ты не наш. Предать свою Родину — все равно, что убить родную мать. Вы проповедуете «не убий», а сами хотите пустить в нашу страну убийц и насильников.

Так откровенно и прямо со мной еще никто не беседовал. Пораженный этими рассуждениями, я умолк.

Вскоре начальник тюрьмы перевел меня в другую камеру, а через некоторое время я был отправлен в исправительный лагерь.

Лежа на нарах, я возносил молитвы к господу, просил его вразумить меня, объяснить, кто я — сын своей Родины, или отщепенец, достойный презрения. Я вспоминал доводы и примеры, которые приводили капитан Руденко, генерал, мои соседи по казарме, и убеждался в том, что во многом они правы. Я тогда еще не ставил под сомнение всю веру, а только отвергал отдельные частности. Что же хорошего будет в том, что все откажутся защищать отечество? — думал я. — Придут завоеватели, наведут свои порядки, убьют безбожников. А ведь сказано: «Не убий». Надо убеждать, а не убивать.

Но тут я вспомнил душераздирающий крик мальчика, и перед моими глазами возникло маленькое тельце с перерезанным горлом... Я начинал неистово молиться...

Свои сомнения скрывал я от всех. Более того, мне удалось в лагере вовлечь некоторых заключенных в нашу секту. Воспитав сообщников, я почувствовал себя не таким одиноким.

В лагере дисциплина была строгая, но начальство — внимательное и рассудительное. Я чувствовал себя свободно. Тогда во мне пробудился азарт проповедника. Я убеждал людей и этим убеждал себя. Особенно легко поддаются люди, у которых на сердце есть какая-либо скорбь.

За три месяца я помрачил 15 здравомыслящих умов и заразил их фанатизмом религии и оного убеждения; самому старшему из них было 30 лет. В лагере был пустой старый большой дом. В этом доме я тайно от лагерного начальства проводил собрания, там же я выгонял бесов и крестил святым духом, моря людей до полусмерти голодом.

Работал я в лагере хорошо, мне за это сократили срок заключения.

Из тюрьмы я сообщал своим «братьям» в Майкоп об успехах проповеднической деятельности. Мне отвечали, что за эти заслуги я буду награжден богом и получу чин разъездного проповедника.

Вслед за тем я получил письмо, в котором сообщалось, что о моем труде узнали все верующие и в мою пользу производится сбор средств, дабы я легче мог переносить тяготы в «узилище». Из последующих писем я узнал, что для меня собрано в трех общинах более двух тысяч рублей. Однако не выслали мне ни копейки, хотя я очень нуждался в средствах. Кобец и Ляликова сообщили мне, что по «пророчеству» я должен перенести все тяготы заключения без посторонней помощи, а деньги мне будут вручены по возвращении.

Замечу, кстати, что не получил я этих денег и по возвращении — я попросту стеснялся о таких делах

говорить, а Ануфрий Кобец, Надя Ляликова и Катя Страхова сделали вид, будто забыли о них. Теперь я понимаю, что эти пройдохи делали все с выгодой для себя — они по-прежнему эксплуатировали мою совесть, мой фанатизм, что делают и сегодня с совестью всех остальных верующих.

Прошло два года. В январе 1956 года я получил документы и отправился к своим «братьям». По дороге заехал в город Шахты Ростовской области. Меня об этом просил один из заключенных, «брат» Иван. Он, как и я, до заключения был субботником, верила и вся его семья. Иван очень хотел, чтобы я зашел к его любимой девушке по имени Катя, которая состоит в общине под названием «церковь христовой любви», и передал ей от него письмо и призыв.

— Скажи ей, — просил он, — что я не сплю по ночам, все думаю. Когда я выйду, то обязательно женюсь на ней.

Еще он просил меня обязательно побывать на собрании секты, куда ходит Катя, так как не знал, что это за община «церковь христовой любви».

Я обещал исполнить его просьбу. Меня и самого интересовало, что означает «христовая любовь». Прибыв в город Шахты, я нашел квартиру Ивана. Войдя произне:

— Мир дому сему!

Это обычное приветствие верующих всех сект.

— С миром принимаем, дорогой братец, — ответили на мое приветствие сидевшие за столом мать Ивана, брат и сестра.

После обеда я рассказал им о том, как живет Иван, и отдохнул. Попозже отправился к знакомой Ивану, Кате. Катя работала медсестрой в больнице, там я ее и нашел. Узнав, что я привез ей письмо от Ивана, она очень обрадовалась. Но беседовать в больнице с ней я не стал. Катя повела меня к себе домой. Там она познакомила меня с матерью, женщиной лет 45, и сказала, что я являюсь «братом» и буду у них ночевать. Она сразу же ушла на работу, пообещав вернуться через два часа. Мать ее приняла меня за брата их секты и начала расспрашивать:

— Община-то большая у вас аль нет?

— Человек тридцать пять, — ответил я.

— А молодежи много?

— Десять юношей и пять девушек.

— О, у вас для сестер хорошо, нет-нет, да и попадет молоденький брат к пожилой сестре, — улыбаясь, проговорила Катина мать. — А у нас молодых братьев всего пятеро, а девушек целый десяток. Остальные старики всякие...

Я не мог понять, что значат слова, почему она делит верующих по этим признакам.

— А у вас большая община? — спросил я.

— 40 человек, из них 5 юношей, 10 девушек, 12 пожилых женщин, остальные — старики, считала мать Кати.

Пришла Катя. Поужинав, она позвала меня в другую комнату. Когда я поднялся, мать сказала дочери:

— Сегодня в 12 часов ночи у Северьяновых будет собрание, там и отведаете благодати, а тут не смейте.

— Тише, мама, он ведь не наш, а субботник, — ответила девушка.

— Не наш?! Да как ты смела его в дом впустить?

Я успокоил женщину, сказав, что ничего никому не расскажу, и добавил, что очень интересуюсь их сектой и хочу попасть на собрание.

— Это невозможно! — крикнула Катя.

Она страшно разволновалась, велела матери уйти. Потом вдруг со слезами проговорила:

— Если Ваня узнает, в какой общине я состою, он не только дружить, но и разговаривать не захочет...

— Что же у вас за община? — еще больше удивился я.

— Ох, не спрашивайте. Там сплошной разврат; развратны все до одного — все братья и сестры. Нам-то это бог открыл и поистине это не разврат, а божья любовь, ну, а кому не открыто это, те думают, что это разврат.

С трудом удалось мне попасть на собрание. Предварительно меня заставили клясться богом, что я никогда никому не расскажу того, что увижу.

Собрание началось в 12 часов ночи. Проповедник говорил о любви к богу, к ближнему. Потом все начали молиться. Вдруг в комнате потух свет. Молитва прекратилась, послышались шум, шепот, возня. Вдруг я очутился в чьих-то крепких объятиях, меня кто-то целовал. Попытался вырваться, но не мог. Когда мне все же удалось вырваться из цепких объятий, я бросился к двери, где был выключатель. Спотыкаясь о чьи-то тела, добрался до двери и включил свет...

От мерзости, которая предстала перед моими глазами, я содрогнулся, к горлу начала подступать тошнота. Сбросив крошечку, я выскочил вон...

Не помню, как очутился на вокзале, как сел в вагон. Мерзкие сцены мелькали перед глазами. Выходит, что вся эта жуткая грязь, все это распутство и есть «христовая любовь»!

Увидев, до чего могут дойти в своем падении фанатики, я начал присматриваться к самому себе. «Кто же более праведен, — думал я, — безбожник капитан Руденко, заботящийся обо мне, или проповедник секты «церковь христовой любви», сеющий повальный грех?»

В конце концов я подумал, что так ведут себя не все верующие. Наши субботники очень строго соблюдают себя.

Встретили меня и Ануфрий Кобец и вся секта очень хорошо.

— Теперь ты будешь всесоюзным разъездным проповедником, — объявил он. — Тебя будет содержать паства. Внедряй божье слово, брат.

Я обрадовался, что меня не забыли и даже повысили, но потом понял, что радость эта преждевременна. Сомнение уже разедало мою душу, и я не мог с чистым сердцем вразумлять чужие умы.

Оказавшись среди сектантской верхушки, я стал присматриваться к Ануфрию, Наде, Кате и другим проповедникам и «пророчицам», чтобы на их примере благочестия вернуть себе покой и изгнать сомнение. Но я увидел, что между словами и делами сектантских главарей существует целая пропасть. Ратуя за рай на небе, Кобец всегда стремился урвать львиную долю подношений. Ратуя за целомудрие, Катя неоднократно пыталась втянуть меня в грех.

Факты наславивались, но выводы делать я боялся. Мне страшно было признать, что двадцать четыре года моей жизни безвозвратно загублены.

Во время одной из поездок я познакомился с молодым человеком моих лет. Оказалось, что он раньше принадлежал к секте субботников, но вышел из нее.

— Что же заставило вас отступить от веры? — спросил я его.

Он засмеялся:

— Милиция помогла.

И рассказал, что их проповедник оказался старый аферист, которого долго разыскивала милиция, чтобы привлечь к уголовной ответственности за кражи и махинации.

— Вор из нас бесов выгонял, учил нас правде...

Мы долго спорили, но доводы мои были слабы, так как я и сам замечал, что Кобец не чист на руку, но не хотел себе в этом признаться.

(Окончание следует).

Редантор В. М. ЦИБРА.